

Да ты чего!..

Поехать Петрова буквально заставили. Жена, дети, Бурковские.

- У нас вон к Коломенском такие реконструкции постоянно, - говорил он, - зачем тащиться черт знает куда?

- Почему ж черт знает куда, - отвечал с какой-то насмешливой улыбкой Влад Бурковский, давний приятель Петрова, - Рязанская область, Рыбновский район, часа

три ехать, не больше.

- Рыбновский район... тарабарщина...

- Всё, собираемся! – потеряла терпение жена Петрова Людмила. – Скисли в этой Москве уже. Хоть глянем, что там за МКАДом.

Петров сдавался постепенно:

- Я рулить не буду.

- На моей поедем все вместе, - обрадовался Влад; у него для загорода была восьмиместная «Тойота»...

Всю пятницу Петровы собирались, нервно и сумбурно как люди, отвыкшие от дальних поездок. Сын, Никита, то и дело спускался в «Дикси» - за водой, за чипсами, за влажными салфетками.

- Mam, купальник братъ? – спрашивала из своей комнаты дочка.

- Какой купальник... - ворчал Петров. – Где там купаться...

Он не принимал участие в суете, сидел за компьютером, читал о том месте, куда завтра утром им предстояло отправиться, о событии, оказавшемся поводом для поездки... «Многие ордынцы утонули в реке Воже», - как раз попалось на глаза. Петров хмыкнул:

- А в Воже и покупаемся как раз.

Набрал в интернете «река Вожа», и компьютер высыпал полный экран фотографий с каким-то ручейком.

- О господи, утонули...

Стал сам с собой спорить: за шестьсот лет, конечно, река могла измениться. Может, в то время это был глубокий и широкий поток. И в нем тонули, тонули, тонули бегущие на восток от русских ратников степняки... Но была ли сама битва и если была, то каких масштабов и кого с кем – вопросы. Мнения историков расходятся...

- Ну так братъ или нет?! – крикнула в нетерпении дочка Даша.

Блин, четырнадцатилетняя кобылица, а по каждому пустяку...

- Бери! – рявкнул Петров.

Тут же выскочила из прихожей, где чем-то шуршала уже минут двадцать, жена:

- Зачем купальник-то? Сейчас напихает полный рюкзак...

- В Воже покупается. Мы едем на ре-ку, - подчеркнул Петров это слово, - в которой утонули тысячи ордынских воинов.

- Ужас какой...

- Какой?.. Надо знать, куда собираемся ехать, - насмешливо заметил Петров; жена нахмурилась, что предвещало ее готовность к ссоре, и он заткнулся. Продолжил копаться в сети.

Подростком Петров очень любил историю. Об интернете тогда, в середине восьмидесятых, и не слыхивали, поэтому знания черпались из книг и журналов. Петров тратил большую часть карманных денег на литературу, перечитал всё, что было в небогатых библиотеках их маленького города, и в итоге годам к семнадцати имел более или менее стойкое представление о случившемся на планете, начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры. Был уверен, что после школы поступит на исторический факультет местного пединститута, станет учителем, несущим детям знание о прошлом...

Поступил, стал с интересом ходить на лекции, писать рефераты и доклады. Звездой первого курса сделался.

Но тут навалилось... Сначала Лев Гумилев, следом Виктор Суворов, Бунич, Мурад Аджи, Фоменко с Носовским и еще десятки авторов, перелопачивающих вроде бы давно облагороженную лужайку истории...

Петров поглощал новое сначала с жадным интересом, потом с недоумением, и в конце концов запутался, отбросил всю эту историю прочь. Ушел в четвертого курса, попал в армию на полтора года, после нее уехал в Москву и без всякого вузовского диплома стал успешным бизнесменом.

Бизнес, правда, пришлось свернуть в начале нулевых – нескольких партнеров Петрова посадили, еще нескольких разорили, - но кое-какие доходы поступали из прежних вложений тоненькими, как речка Вожа, но бесперебойными ручейками...

История, история... На одном ток-шоу Петров услышал от какого-то старикана-идеолога: «Истории нет – есть интерпретации прошлого». Старикана тут же заклевали, а Петрову эта формулировка понравилась. Действительно, в прошлом разобраться невозможно. Не только в древнем, но и в недавнем. Невозможно прийти к более или менее общему мнению не только по глобальным вопросам, но и по частным.

Раньше, выясняя отношения с женой, Петров старался доказать то-то и то-то, найти причину размолвки, скандала, а в ответ слышал от жены совсем другие аргументы, другие причины. Казалось, она всё переворачивает с ног на голову, а она была уверена, что с ног на голову переворачивает он, Петров... Житейски помудрев, они, всплыв, просто расходились в разные комнаты, а через час-другой продолжали жить, словно не имеют друг к другу никаких претензий. Так бы и историкам. Но у них есть принципы, поиски истины и пресловутой правды, а главное – желание заработать. Оригинальная версия какого-нибудь известного события, облеченная в несколько увлекательных книжек, вполне может принести приличные деньги. История, это одна из форм бизнеса, короче...

Выезд назначили на восемь утра, но выехали в десятом часу. Выбирались из Москвы долго и трудно. Не то чтобы мешали пробки или плотное движение, просто город был, казалось, бесконечный...

Петров сидел в третьем ряду у левой двери; он был не в духе, помалкивал, чтоб не портить другим настроение, слушал, как Влад Бурковский, до предела упрощая, а порой и неосознанно фальсифицируя, рассказывает детям, а заодно и взрослым, чему посвящен фестиваль, на который они отправились:

- Битва на Воже – первый шаг к освобождению от монголо-татарского ига. В тысяча триста семьдесят восьмом году хан Мамай послал карательное войско на Русь, слишком вольно она стала себя вести... А навстречу вышла дружина Дмитрия Донского. Русских было в несколько раз меньше, но Дмитрий Донской применил хитрость – напал, пока монголо-татары, - это

словосочетание резало слух Петрова, как ножом, - не разобрались в боевые порядки после переправы через Вожу. Почти все они были перебиты – пятьдесят тысяч, представьте! – а наших погибло совсем немного... Через два года сам Мамай отправился на Русь, и ему досталось – на Куликовском поле... Мы туда тоже в свое время рванем.

Постепенно по сторонам дороги стали образовываться меж торговых комплексов, фабрик, заборов, складов свободные пространства, появлялись рощицы, поля; Москва явно выдыхалась, не дотягивалась своими щупальцами досюда. А потом пошли указатели – «Островцы», «Заозерье», «Михайловская Слобода», «Дурниха», «Ивановка»... Петров приоткрыл было окно, чтоб подышать свежим воздухом, но в щель ворвалась горячая струя.

- Там пекло уже, - проворчал, - как в парилке.

Жена метнула сердитый взгляд, а Влад неунывающе отозвался:

- Наши предки в доспехах смогли выстоять, а мы в маечках и бейсболках не сумеем, что ли? – И обернулся к детям, сидящий во втором ряду. – М?

- Сосредоточься на дороге, мой Пересвет, - сказала жена Влада Олеся.

- Я всегда сосредоточен.

- Не будь самоуверен...

Влад включил радио. Зазвучала ненавязчивая мелодия. Скорей всего, «Релакс FM». Или нечто подобное.

Петров смотрел в окно. Лесочки, равнины, деревушки, городочки, виадуки... Незаметно задремал. В дреме ничего не видел, кроме разноцветных бликов... Очнулся от того, что лицо горело – даже сквозь тонировку пробивались горячие лучи. «Скорей бы осень».

В этом году Петров поддался уговорам жены, детей, и они полетели на море – под Барселону – в конце июня. Три недели мелькнули и кончились, и снова Москва. Остаток лета мучились... Надо было дотянуть хотя бы до середины июля, вернуться как раз в эти дни. Пришли в себя за неделю, а там уж подготовка к школе, то, сё...

Родители и у Петрова, и у жены Людмилы, которая тоже не москвичка, умерли, с родней связи порвались. На родину так просто не поедешь, да и что там делать – в Бугуруслане, откуда жена, в Сергаче, откуда Петров?

У них был загородный дом. Правда, слишком уж загородный... Лет десять назад Петров сдуру купил участок в семнадцать соток в деревне Рождествено недалеко от городка Вереи, поставил рядом с избой-завалюхой летний домик. Водопровода в их части деревни не было, ехать было неудобно, дом оказался какой-то неуютный, и бывали там Петровы семьей считанные разы. Самому Петрову приезжать приходилось чаще, чтоб показать – усадьба не брошена, есть хозяин, пригляд. Но все равно подворовывали – то доску оторвут, то аккуратно стекло из рамы вынут.

«Состарюсь, - думалось иногда Петрову, - и переселюсь сюда. Доживать». В сорок шесть лет он иногда чувствовал себя совсем развалиной. Хотя вроде ничего не делал...

- Та-акс, - голос Влада Бурковского, - где-то здесь должен быть поворот на Глебово... Не этот...

- Включи навигатор, - велела Олеся. – Сейчас будем кружить тут.

- Еще б я навигатором пользовался в родной стране!

С минуту Олеся терпела, а потом начала истерить:

- Ну и чего? Где твой поворот? Вла-ад!..

- Сейчас будет! – взвизгнул он; Петров поежился: «Еще их скандал слушать не хватало».

- Когда?

Поворот действительно оказался «сейчас». Правда, пришлось подождать на трассе, пропуская, по приказу регулировщика, поток машин со стороны Рязани, сворачивающих на узенькую дорогу в сторону Глебова-Городища.

- А ведь они все туда, - пробормотал Влад, - на фестиваль...

Наконец регулировщик махнул жезлом: можно и вам.

Олеся расслабилась, выдохнула:

- Извините, что чуть не завелась. Устала просто. Часа три уже едем?

Влад не ответил, дети притихли, Людмила копаясь в смартфоне. Пришлось подать голос

Петрову:

- Где-то так... До места Куликовской битвы, видимо, в сто раз ближе.

- С чего эт? – фыркнул Влад. – Оно в углу Тульской области вообще...

- Есть серьезные причины считать, что битва состоялась под стенами Кремля.

- Так-так, давай-ка без фэнтези. Мы за единый учебник истории. Правда, Олеся?

- Да я тоже, - поспешил сказать Петров. – Но куда от нюансов деться?

- В печь их! Нечего народу мозги засорять. Главное, что мы – победили, и это всё, - Влад, не забывая красоваться, оторвал руки от руля и развел их в стороны, - всё это – наше.

Петров посмотрел в одну сторону, в другую. Вспученная холмами, изрезанная заросшими травой оврагами земля, казалось, глубоко и тяжело спала... Проехали мимо деревеньки под названием Алёшня, и не увидели ни одного жителя. Наверняка они прятались от жары в домах, но Петрову стало тоскливо.

Подмывало поспорить с Владом, нет, даже не поспорить, а противоречить его уверенному тону. Сдержался, не стал.

- Люда, вода есть у нас? – спросил.

- На, пап, - Никита протянул бутылку с «Кока-колой».

- Нет, воду хочу.

Жена нашла воду в одном из пакетов, которыми обложилась еще в Москве.

- На, только она теплой стала.

- Ничего.

Когда проезжали деревню Пальные, тоска усилилась до такой степени, что и противоречить расхотелось. Представилась кучка закопченных человечков – пальных, - пришедших на это место, сколотивших неказистые домики, которые тоже вот-вот сгорят, и людишки пойдут куда-нибудь дальше. Крошечное, вымирающее племя...

- Не хотела бы я жить в селе с таким названием, - сказала Олеся.

- Да, жутковатое, - ответил Влад, - но и героическое.

- В каком смысле?

- Раньше, специально устраивали пал, чтоб преградить путь монголо-татарам и другим завоевателям. Тут где-то и речка есть – Пальная, и вообще такие названия часто встречаются на востоке и юге...

- Богатые у тебя познания, - усмехнулся Петров.

- Что ж, готовился к поездке... А вот мы уже и на месте почти!

Это и так было очевидно по скоплению машин и людей. Причем многие машины двигались – одни пытались пробиться дальше по сузившейся от припаркованных справа и слева автомобилей дороге, другие ехали им навстречу. Водители сигналили, кричали, пятились... Люди тоже шли в обе стороны довольно плотными потоками.

- Неужели уже закончилось? – с готовностью забеспокоилась Олеся.

- Сейчас узнаем. Вообще-то по программе до четырех часов мероприятия...

Влад попытался проехать ближе к вероятному месту фестиваля, но вскоре отчаялся – приходилось то и дело сдавать назад, пропуская едущих навстречу, к тому же пешеходы буквально лезли под колеса, - нашел приемлемую щель меж двух стоящих машин и втиснул туда «Тойоту».

- Двери открываем осторожно, - предупредил, - соседей не царапаем.

Вылезли, скорее надели бейсболки. Заражаясь общей суетой, поспешили к виднеющейся вдали церкви, от которой долетали обрывки усиленной колонками мелодии.

- Скажите, а там что-нибудь продолжается? – спросил Влад идущего навстречу пузатого мужика с бородой и в майке Супермена.

- Продолжается... Теплового удара боюсь... На фиг...

- Продолжается! – бодро объявил Влад. – Вперед! – И почти побежал.

Его дочка Ариша, дети Петрова, а также Олеся и даже Людмила послушно последовали за ним. Сам же Петров наоборот сбавил шаг: бодрость другого мужчины, моложе его, выше ростом, задевала.

Шел медленно, с каждым метром всё сильнее раздражаясь, что приходится идти под солнцем так долго. Мысленно поругивал Влада; самому Петрову сейчас казалось – он бы проехал на полкилометра ближе...

Глебово-Городище, по крайней мере та улица, по которой двигался народ, оказалось довольно симпатичным селом. Свежевыкрашенные в зеленый, синий, бордовый, сочно-желтый цвета избы, заборы, ворота, колодцы... К колодцам тянулись длиннющие очереди. Увидев первую же, Петров вспомнил, что воду-то из машины не взяли, и ему сразу захотелось пить.

- Ну ты где? – появилась жена. – Мы тебя потеряли.

- Воду забыли...

- Там купим. Пошли быстрее.

На вершине холма – церковь. Часть белоснежная, недавно отреставрированная, часть – почти руины. Каждый метр тени под стенами занят людьми... Справа от церкви торговые палатки, слева, под крутым склоном, площадка для выступлений. Там как раз представляли доспехи воинов.

- ...А сейчас мы видим шелом с полумаской и круговой кольчужной бармицей, - говорил в микрофон ведущий, сам одетый в костюм какого-то холопа. - Полумаска, конечно, защищала лицо воина, но в то же время затрудняла обзор... Чаше мы можем встретить шелом с наносником...

Люди в доспехах ходили тяжело, медленно. Казалось, сейчас попадают на траву, и придется вызывать вертолеты с бригадами реаниматоров.

Бурковские и дети уселись на склоне, а Петров с Людмилой пошли погулять по рынку.

Подобных им гуляющих были сотни. Бессмысленная толча. Причем лица выражали не радость присутствия на празднике первой большой победы русского оружия над ордынцами, а муку и недоумение: зачем мы забрались сюда в такую погоду, что делать, куда спрятаться...

Лишь ребятишки были, кажется, довольны. Бегали с деревянными и пластмассовыми мечами, луками, арбалетами, булавами... Правда, то и дело раздавался детский плач...

В палатках ничего интересного, особенного не увидели. Сувениры, пряники...

- Есть вода простая? - спросил Петров, наткнувшись на палатку с напитками.

- Вода кончилась. Вот взварчик возьмите. Хорошо жажду утоляет.

Петров глянул состав.

- Это типа компота?

- Почти... По древнерусским рецептам. Прохладный, под брезентом держу.

Петров купил две литровые бутылки, выложив за них триста рублей...

Попили с женой крепкосладкого взвара на свободном пятачке под стеной церкви, поглазели на памятник в виде копий и щитов, вернулись к Бурковским. Петров уселся по возможности удобней на крутом склоне и решил сидеть тихо, без комментариев и предложений поехать отсюда. Что ж, детям, кажется, интересно...

После доспехов произошло короткое «массовое сражение по правилам маневров», как значилось в распечатанной Владом программе. В сражении участвовали человек по пятнадцать с обеих сторон... Петрова все-таки потянуло поиронизировать над «массовостью», но он вовремя вспомнил, что в каком-то серьезном фильме видел одну из знаменитых средневековых битв англичан с шотландцами, так там сошлись тоже с полсотни мужичар и порубили друг друга. Оставшиеся в живых несколько шотландцев стали махать топорами и кричать, что их победу будут прославлять в веках. Так оно и получилось... Может, такая вот «массовость» ближе к истине, чем слова летописцев - «рать безмерно велика была», «несчетно множество их избиша»...

По окончании довольно схематичной битвы был концерт фолк-рок группы. Музыканты с непокрытыми головами мужественно пели около часа. Причем фолк и рок в композициях перемежались поистине с математическим постоянством: сначала мощно гремели ударник и басист, затем они почти смолкали, зато вступали скрипка и дудочка, а после их партии, под перебор акустической гитары, звучал чистый, молодецкий голос вокалиста:

*За деревней у реки кто с утра уж трудится?
Уперев свой взор в огонь, кто сурово хмурится?
Кто свой трудный день начал с именем Сварога?
Кто в почете у людей, под защитой Бога?..*

- Сварог, это ведь языческий бог? – когда музыка слегка притихла, спросил Влад.

Петров, поморщившись, кивнул. Объяснять, что вообще «Сварог», скорее всего, отсебяти-на переписчика летописи, жившего не раньше пятнадцатого века, желания не было. Существовал у славянских язычников Сварожич, но и с ним не всё ясно...

Пока группа исполняла то героические, то лирические песни, на поляне шла установка приспособлений для конных состязаний. Натягивались веревки, втыкались штыри с кольцами; полная женщина принесла и высыпала на траву из мешка кочаны капусты.

Конники копытами снимали кольца со штырей, рубили саблями и мечами капусту и яблоки, пытались поднять с земли разбросанные платки. Те, что скакали быстро, в основном терпели неудачу, зато медлительным, на «манежном галопе», как насмешливо заметил ведущий в одежде холопа, чаще удавалось выполнить задание...

Публика хлопала, одобрительно охала, когда у конников получалось, порой раздавались смешки. Особенно потешен был единственный участник в доспехах ордынца. В седле он держался нетвердо, никак не мог справиться ни с копьём, ни с саблей. Смешило и его имя – «темник Котий».

- Если все монголо-татары были такими, - заметил Влад, - то ничего удивительного, что в Воже перетонули.

- Любимый, не критикуй, - пошлепала его по ноге жена. – Ты бы ни одного кольца не снял.

- Так я и не берусь...

Победил в итоге наездник из медлительных. Когда ведущий объявил, что ему шестьдесят пять лет, посвистывания сменились на вполне искренние аплодисменты.

А потом народ потянулся вверх по склону, к дороге. Фестивальные мероприятия закончились.

Теперь Петров шел впереди Бурковских, жены и детей. Страшно хотелось пить, сухость во рту сделалась после взвара особенно противной – кисло-горькой, с привкусом забродившего яблока.

Возле первого от церкви колодца толпилось не меньше сотни людей. Впереди было еще два. Но у второго отсутствовало ведро.

- Спецом местные сняли. Сволочи, - говорили подходившие к колодцу.

Петров прибавил шаг, намереваясь обогнать основную массу тех, кто возвращался к машинам. Размечтался – а что еще оставалось? – о бутылке холодной воды, о том, как дома ляжет в прохладную ванну... И тут в спину ткнули. Не больно, но остро, словно пальцем.

Решив, что это сын догнал и решил пошалить, Петров сделал сердитое лицо и резко обернулся.

Вместо Никиты шагах в пяти стоял пацаненок лет восьми с арбалетом в руках. Так же сердито смотрел на Петрова.

- Ой, вы извините! Извините, пожалуйста! – стала плаксиво тараторить пожилая женщина, видимо, его бабка. – Устал, вот и вытворяет... Нельзя так, Гордей!

Понимая, что разборки отдаляют его от воды, Петров пошагал дальше.

- Подбери стрелу-то! – раздался совсем уже не плаксивый голос пожилой.

К колодцу тянулась вереница примерно из десяти человек. Вода явно была... Петров почти подбежал, встал в очередь.

- Сашка! – крикнул щупленький полутораметровый мужичок в выгоревшей до бесцветности рубашке, наполняя бутылку. – Неси еще, кончается!

Петров увидел на бортике колодца ведро с цепью. Оно было на треть полно беловатой жидкостью.

- А что с этой? – спросил он стоящего впереди парня.

- Да кончилась, видно.

- Хм, а я думал, это у Толстого гипербола...

- Чё? – парень насторожился.

- У Льва Толстого в романе «Война и мир» есть такое: «Солдаты выпивали воду в колодцах до грязи». Я думал, он преувеличил - оказывается, действительно бывает.

- М-м...

- Сашка, да где ты там?!

Мужичок был слишком деятельный, вошел, как говорится, в раж. «Может, пьяный?» Да нет, на пьяного не был похож... «Перегрелся на солнце».

Здоровенный, голый по пояс, лет тридцати пяти Сашка принес воду. Мужичок сунул ему пустое ведро:

- Еще тащи. Людей вон сколько. Пить хотят. Давай, давай!

Сашка, видимо, был сыном этого полутораметрового. Без споров, хотя и без радости, побрел в глубь улицы. Наверное, у них был свой колодец во дворе, или скважина пробита...

Подошла очередь Петрова наполнять бутылку.

- Холодненькая, - приговаривал мужичок, - пейте на здоровье...

- Спасибо.

Петрову захотелось отблагодарить его. Достал деньги, быстро выбрал две сотки, протянул.

- Да ты чего? – мужичок отшатнулся. – Чтоб я за воду деньги брал?! Бери свою баклажку и мотай отсюда.

Петрова обожгло это «мотай»:

- А вы что хамите? Я от чистого сердца хотел...

- От сердца... Грязное оно, значит – деньги за воду совать... Отходи, не задерживай, людей еще сколько вон ...

- Что случилось? – подбежал Влад. – Что у вас тут?

- Забирай приятеля, а то я его, - расходился мужичок. – Обидел он меня... Деньги за воду...

- Действительно, пустите к ведру, - заговорили за спиной Петрова. – Что там? – еще дальше, – он все бутылки, что ль, набирает себе?!

- Ладно, как хочешь, - дернул головой Петров, сунул сотки обратно в карман. – Пойдем, Влад, от этого солнцем ударенного.

Мужичок то ли не услышал эпитета, то ли сделал вид, что не услышал. Осторожно наливал воду из ведра в маленькое отверстие жестяной банки из-под «Спрайта».

Петров широко, решительно как-то зашагал в сторону машины, еще не понимая, что об этом случае он будет вспоминать очень часто.